

ЦИКЛ «ЗЕМНОЙ КРУГ»

Первый Закон:

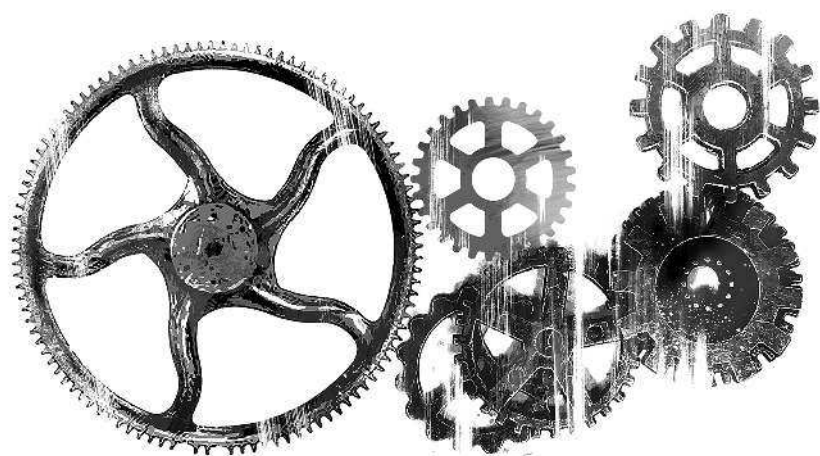
**Кровь и железо
Прежде чем их повесят
Последний довод королей**

**Лучше подавать холодным
Герои
Красная страна
Острые края**

Эпоха Безумия:

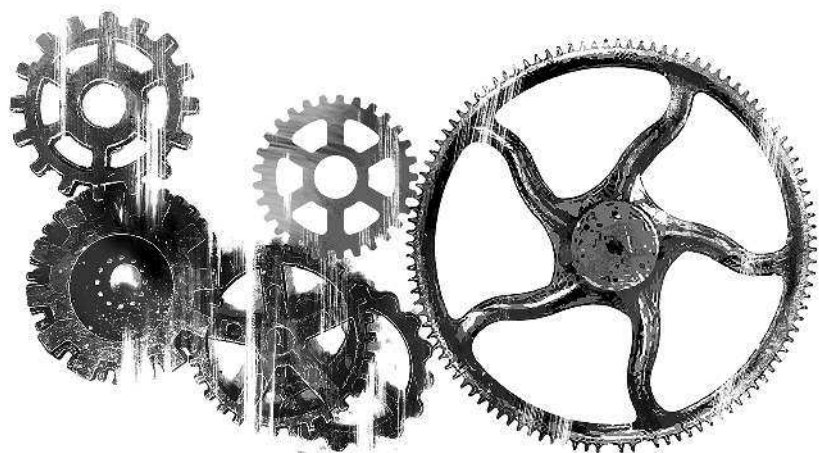
Немного ненависти

Joe Abercrombie
A Little Hatred



ДЖО АБЕРКРОМБИ

НЕМНОГО НЕНАВИСТИ



fanzon

Москва

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
А14

Joe Abercrombie
A LITTLE HATRED
Copyright © 2019 by Joe Abercrombie
First published by Gollancz,
an imprint of The Orion Publishing Group Ltd., London

Перевод с английского В. Иванова

Разработка серии и дизайн переплета А. Саукова
Иллюстрации на обложке и форзацах П. Трофимова

Аберкромби, Джо.

А14 Немного ненависти / Джо Аберкромби : [перевод с английского В. Иванова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 704 с. — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези).

ISBN 978-5-04-104726-9

В Адуе наступают новые времена.

Савин дан Глокта — финансист, инвестор и дочь самого пугающего человека в Союзе — всеми средствами стремится к вершине прогнившего высшего общества. Трущобы кипят от ярости, которую не могут удержать все деньги мира.

Лео дан Брок пытается завоевать славу на залитых кровью границах Инглии. Он хочет победить мародерствующие армии Стура Сумрака и рассчитывает на помощь короны.

Эра машин наступает, но эпоха магии отказывается умирать.

Дочь Ищейки, юная Рикке учится владеть даром Долгого Взгляда. Но как изменить открывшееся будущее, когда Первый из магов продолжает играть людьми и государствами, словно марионетками...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-104726-9

© Иванов В., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящается Лу — с беспощадными,
суровыми объятиями.*

ЧАСТЬ I

«Наш век помешался на нововведениях;
любое предприятие в мире
должно вестись
каким-либо новым путем».

Доктор Джонсон

Благословения и проклятия

— Рикке!
Она разлепила один глаз. В щелку вонзился тошнотворно яркий свет дня.

— Возвращайся.

Вытолкнув изо рта языком мокрый от слюны штифт, она прохрипела единственные слова, которые пришли ей на ум:

— Твою мать!

— Молодец, девочка!

Изерн присела рядом на корточки. На ее ожерелье плясали руны и фаланги человеческих пальцев. Она ухмылялась своей кривой ухмылкой, демонстрируя дыру в зубах. И не предлагая ровным счетом никакой помощи.

— Что ты видела?

Подтянув одну неподъемную руку, Рикке обхватила голову ладонью. Казалось, если сейчас не придержать череп, он взорвется. На внутренних сторонах век еще тлели образы, похожие на плывущие перед глазами пятна, если смотреть на солнце.

— Я видела людей, которые падали с высокой башни... Десятки людей.

Она вздрогнула при мысли о том, как они ударятся о землю.

— Я видела, как людей вешали... Целыми рядами.

В животе у нее сжалось при воспоминании о покачивающихся телах, судорожно дрыгающих ногах.

— Я видела... наверное, это была битва? Под красным холмом.

— Мы на Севере, — фыркнула Изерн. — Здесь не нужна магия, чтобы предвидеть, что скоро будет битва. Что еще?

— Я видела горящий Уфрис.

В ноздрях у Рикке до сих пор стоял запах дыма. Она прижала ладонь к левому глазу: он был горячим. Обжигаяще горячим.

— Что еще?

— Я видела, как волк проглотил солнце. Потом волка проглотил лев. Потом льва проглотил ягненок. Потом ягненка проглотила сова.

— Должно быть, это была не сова, а настоящее чудовище.

— Может, ягненок был совсем маленький? Но что все это значит?

Изерн поднесла кончик указательного пальца к рассеченным шрамом губам, как делала всегда, когда собиралась изречь что-нибудь глубокомысленное.

— Чтоб меня разнесло, если я понимаю. Будем надеяться, что очередной поворот колеса времени раскроет перед нами секреты твоих видений.

Рикке сплонула, но во рту у нее все равно стоял вкус отчаяния.

— То есть... сидеть и ждать?

— В одиннадцати случаях из дюжины это наилучший выбор. — Изерн почесала ямку у себя на шее, над воротником, и подмигнула: — Но если бы я так сказала, никто не стал бы считать меня такой уж мудрой.

— Ну, два из секретов я могу раскрыть прямо сейчас. — Рикке приподнялась, опершись на локоть, и застонала. — У меня раскалывается голова, и к тому же я обделалась.

— Второе — вовсе не секрет. Достаточно иметь нос, чтобы быть в курсе.

— «Дерьмовая Рикке», так меня будут называть. — Наморщив нос, она попыталась подвинуться. — И не в первый раз.

— Твоя проблема в том, что тебя заботит, как тебя называют.

— Моя проблема в том, что на мне лежит это проклятье, эти припадки.

Изерн постучала кончиком пальца под своим левым глазом.

— Ты называешь это проклятьем и припадками, а я — благословением и даром Долгого Взгляда.

— Ха!

Перевернувшись, Рикке встала на колени, но ее желудок продолжал движение, подкатив к горлу щекоткой рвоты. Мертвые свидетели, какой же разбитой и вымотанной она себя чувствовала! Как после ночи, проведенной за кружкой эля, только мерзких ощущений вдвое больше, а приятных воспоминаний ни одного.

— Не сказала бы, что это так уж похоже на благословение, — пробормотала она после того, как отважилась осторожно рыгнуть и поборола реакцию своих внутренностей, склонив их к ничьей.

— Благословения редко бывают без скрытого внутри проклятия, так же как и в любом проклятии обычно есть щепотка благословения. — Изерн отрезала от высушенного куска чагги небольшой ломтик. — Как чаще всего бывает, все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

— Очень глубоко!

— Как всегда.

— Наверное, те, у кого не так болит голова, могли бы больше оценить твою мудрость.

Изерн облизнула кончики пальцев, скатала ломтик чагги в шарик и протянула Рикке.

— Я бездонный кладезь откровений, беда лишь в том, что неведу не заставишь пить из него. Давай снимай свои штаны. — Она засмеялась своим резким, неприятным смехом: — Немало мужиков желало бы услышать от меня эти слова!

Рикке села, привалившись спиной к одному из увенчанных снежными шапками стоячих камней, шурясь на солнце, сверкающем среди обсыпанных каплями веток. меховой плащ, подарок отца, обнимал ее за плечи, свежий ветерок обдувал голую задницу. Она жевала катышек чагги, а ее пальцы с окаймленными черным ногтями метались по всему телу, преследуя возникающие то там, то здесь очаги зуда, пытаясь успокоить растрепанные нервы, отбросить воспоминания об этой башне, обо всех этих повешенных, о горящем Уфрисе...

НЕМНОГО НЕНАВИСТИ

— Видения... — пробормотала она. — Если это не проклятие, то что?

Изерн, хлопая башмаками, взобралась на берег, держа в руках мокрые штаны Рикке.

— Вот, чистые, как свежий снег! Теперь от тебя будет пахнуть только юностью и разочарованием.

— Кто бы говорил о запахах, но не ты, Изерн-и-Фейл!

Подняв жилистую, покрытую татуировками руку, Изерн понюхала у себя под мышкой и удовлетворенно выдохнула.

— А что такого? Здоровый, крепкий аромат женщины, как раз такой, какой больше всего любит луна. Если тебя беспокоят запахи, ты выбрала себе не ту компанию.

Рикке сплюнула, но уверенного плевок не получилось, и большая часть сока чаги оказалась у нее на подбородке.

— Если ты думаешь, будто я здесь что-то выбирала, значит, ты совсем сбрендила.

— То же самое говорили о моем папаше.

— Он-то был безумнее мешка с филинами, ты всегда так говорила.

— Хех! Что для одних сумасшедший, то для других — выдающаяся личность. Нужно ли говорить, что ты и сама далека от обыденности? На этот раз ты так сильно оттолкнулась от земли, что едва не вылетела из своих башмаков. В будущем, наверно, придется тебя привязывать, не то ты окончательно съедешь с катушек. Будешь пускать слюни, как мой братец Брейт — он-то, между прочим, хотя бы держит свое дерьмо при себе.

— Вот уж спасибо тебе за заботу!

— Не благодари. — Изерн составила вместе кончики больших и указательных пальцев и, прищурившись, посмотрела в ромбовидную дырочку на солнце. — Нам давно пора в путь. Сегодня день возвышенных подвигов! Или, скорее, низменных.

Она бросила штаны Рикке на колени.

— Давай одевайся.

— Что, прямо мокрые? Они же будут натирать!

— Натирать? — фыркнула Изерн. — И это все, что тебя беспокоит?

— Моя голова до сих пор болит так, что аж зубы ноют. — Рикке хотелось закричать, но она знала, что это будет чересчур мучительно, поэтому пришлось обойтись тихим хныканьем. — Чего мне сейчас совсем не нужно, так это дополнительных мелких неудобств.

— Жизнь *состоит* из мелких неудобств, девчонка! По ним ты узнаешь, что еще жива. — Изерн снова разразилась своим лающим смехом и весело хлопнула Рикке по плечу так, что та чуть не упала. — Нет, если тебе так больше нравится, можешь идти, светя своей пухлой белой задницей. Но так или иначе, а мы отправляемся прямо сейчас.

— Проклятие, — ворчала Рикке, залезая непослушными ногами в мокрые штаны. — Точно проклятие!

* * *

— Так, значит... ты действительно думаешь, что у меня Долгий Взгляд?

Изерн шагала через лес своей небрежной размашистой походкой, за которой Рикке, к ее замешательству, никак не удавалось поспеть — она все время оказывалась на полшага позади, как бы быстро ни шла.

— Ты действительно думаешь, что я бы стала тратить на тебя силы, если бы его не было?

— Наверное, нет, — вздохнула Рикке. — Просто в песнях это такая штука, благодаря которой колдуньи, маги и всякие ведуны могут прозревать туманы грядущего. А не такая, из-за которой человек, как идиот, валяется на земле и гадит себе в штаны.

— Если ты не замечала, у бардов есть такой обычай — украшивать. Видишь ли, за песни о мудрых ведуньях очень неплохо платят, а про обгадившихся идиотов — гораздо меньше.

Рикке с грустью признала, что это верно.

— Кроме того, доказать, что у тебя действительно есть Долгий Взгляд, не так-то просто. Его невозможно раскрыть силой. Его необходимо выманить наружу. — Изерн пощекотала Рикке под подбородком, заставив ее отдернуть голову. — Отвести его к священным местам, где старые камни стоят так, чтобы луна све-

тила на них во всю свою силу. И даже в этом случае он будет видеть лишь тогда, когда сам захочет видеть.

— Да, но... Уфрис в огне? Как такое может случиться?

Теперь, когда они спустились с Высокогорья и понемногу приближались к дому, Рикке начинала ощущать в груди тяжесть беспокойства. Видят мертвые, она далеко не всегда была счастлива в Уфрисе, однако вовсе не желала видеть его пылающим.

— Да как угодно. Небрежное обращение с огнем при готовке, к примеру. — Глаза Изерн скользнули вбок. — Хотя я бы сказала, что здесь, на Севере, города чаще всего горят из-за войны.

— Из-за войны?

— Ну да. Это когда в потасовке участвует столько народу, что от нее почти никто не выигрывает.

— Я знаю, что такое война, черт возьми! — Рикке чувствовала между лопатками каменеющий островок страха, который было невозможно стряхнуть, как бы она ни двигала плечами. — Но ведь на Севере был мир с тех пор, как я себя помню!

— Мой папаша говаривал, что мир — это время, когда умные люди готовятся к кровопролитию.

— Твой папаша был безумнее, чем сапог, полный навоза!

— А твой папаша что говорил? Мало людей могут потягаться здравомыслием с Ищейкой.

Рикке снова передернула плечами, но ничего не помогало.

— Он говорил: «Надейся на лучшее, но готовься к худшему».

— Здравый совет, как на мой взгляд.

— Но ему довелось жить в темные времена. Он вечно сражался, сперва с Бетодом, потом с Черным Доу. Тогда все было по-другому.

Изерн фыркнула.

— Ничего подобного. Я была рядом, когда твой отец сражался с Бетодом, там, наверху, в Высокогорье, рядом с Десятипальым.

Рикке изумленно моргнула.

— Тебе же не могло быть больше десяти лет!

— Достаточно, чтобы убить человека.

— Что?!

— Обычно я таскала папашин молот, потому что самые маленькие должны нести самую большую тяжесть, но в тот день он захотел драться молотом, поэтому я взяла его копьё. Вот это самое копьё. — Его тупой конец отстукивал ритм их шагов по горной тропинке. — Папаша завалил одного мужика, тот пытался подняться, и я его заколола. Проткнула ему жопу до самого брюха.

— Вот этим копьём?

Рикке привыкла думать о нем просто как о палке, которую носила с собой Изерн. Палке, один конец которой по какой-то причине был замотан в оленью шкуру. Ей не хотелось думать о том, что там, внутри, скрывается лезвие. И в особенности не хотелось представлять, что это лезвие побывало в заднице какого-то несчастного.

— Ну, с тех пор оно несколько раз сменяло древко, но...

Изерн встала как вкопанная, подняв татуированную руку и сузив глаза. До слуха Рикке доносился лишь шорох ветвей, кап-кап-капанье тающего снега да чик-чириканье птичек среди набухающих почками деревьев.

Рикке наклонилась к ней.

— В чем де...

— Наложил стрелу на лук и отвлеки их болтовней, — прошептала Изерн.

— Кого?

— Если не получится, покажи им зубы. Твои зубы просто дар богов!

И она метнулась прочь с дороги, скрывшись среди деревьев.

— Мои зубы? — зашипела Рикке, но юркая тень Изерн уже исчезла в зарослях колючего кустарника.

Только теперь она услышала мужской голос:

— Ты уверен, что это та дорога?

Лук висел у нее на плече — она надеялась встретить оленя. Рикке скинула его, торопливыми пальцами достала стрелу, едва не уронив, и кое-как сумела наложить, невзирая на шквал нервных подергиваний, охвативших ее руку.

— Нам сказали пошарить в лесу. — Другой голос, более жесткий. Более страшный. — Как по-твоему, это лес?